
Школьный формализм на анализе и критике одной «педагогической» газетной повести

Пионерская Правда, №82, от 15 Октября 1946 г.

Александр Федорович Котс

Хорошей иллюстрацией стихийно-бессознательного формализма в Педагогике может служить рассказ, однажды помещенный в «Пионерской Правде» под заглавием «Родительский День» (15.X.1946)

В рассказе этом повествуется о том, как ученица Средней Школы, Ольга, задержавшись на прогулке после возвращения из Школы, не управилась с уроками и получила «двойку» по литературе, как эта отметка тяжело подействовала и на девочку, и на ее мать, и как, поняв свою «вину», Ольга загладила ее в дальнейшем, получив «пятерку» к радости обеих: матери и дочери.

Бесхитростный по теме и по языку рассказ этот написан «**Bona Fide**» с самыми благими воспитательными целями: наглядно показать, как нерадение в приготовлении уроков наказуется, а прилежание поощряется.

Именно так восприняла это двойное происшествие своей учебной жизни главное действующее лицо рассказа: «Я сама, сама виновата!» восклицает Ольга на попытки утешения ее мать старающейся оправдать полученную «двойку» тем, что перед отправлением в школу девочке поручены были работы «по хозяйству».

Такова бесхитростная фабула рассказа и ее мораль.

Теперь посмотрим, в какой мере и мораль, и фабула его оправданы.

Подписанный «Москва, 142 Школа, **Ада Левина**», рассказ мог быть написан даровитой ученицей или бесталанным педагогом. Но в обоих случаях писавшие его не сознавали, в какой мере, будучи во власти существующих формальных установок, проводимая трактовка темы может оказаться спорной и способной привести к диаметрально противоположным выводам.

Начать с того, что возраст юной героини повести не упомянут, а тем самым не указано какого она класса. Судя по рисунку (представляющему «мать и дочь» (не слишком вразумительному!) Ольге можно дать не более 13 лет, что соответствует III-ему Классу дореволюционной или VI-ому Классу современной Школы.

Убедительнее, чем эти догадки, первая строка рассказа:

— «После 6-ого урока Ольга узнала, что она должна дежурить вечером в Школе...»

Но, позвольте, хочется сказать, для девочки-подростка **шесть** часов как будто многовато!

И сомнения эти уступают достоверности, когда мы из последующего узнаем, что занималась Ольга «во вторую смену», т.е. с **двух** часов и до **восьми**.

Можно уверенно сказать, что не одни только последние уроки но и вообще занятия, которые ведутся «во вторую смену», — мало продуктивны, ибо падают на утомленные измотанные молодые головы.

Не надо быть психологом и членом Академии «Педагогических Наук», чтобы понять, что после пребывания **шести** часов за партой во вторую половину дня, по возвращении домой в десятом часу вечера, — **ни о каком серьезном умственном труде не может быть и речи**, и единственное, что возможно и что нужно было сделать, это — провести остаток дня, вернее вечера, на свежем воздухе.

Так именно и поступила наша героиня и ее товарки, вместе с ней отправившиеся на прогулку, затянувшуюся на три часа.

Также понятно, что по возвращении с прогулки, около 12 часов, «уроки делать не хотелось», и вполне резонно: заниматься после полуночи умственным трудом для девочки-подростка было бы недопустимо с точки зрения гигиенической, да и ненужно, во внимание к тому, что для приготовления уроков оставалась утренняя половина следующего дня.

Не угрожало этому и то, что по условиям переживаемого времени, часть утра Ольге приходилось посвящать «работе по хозяйству» («сбежать за хлебом» и «почистить картошку»): от 11 часов утра и до без четверти **два** (до времени ухода в Школу), времени достаточно, чтобы заняться школьными уроками.

На деле времени для выполнения последних **не хватило** и «Литература» так и осталась «нев्यученной». В результате — роковая «Двойка».

Но позвольте, — хочется сказать — да сколько же по Вашему необходимо времени, чтобы достойно приготовить все уроки?

Ведь казалось бы, что **три** без малого часов вполне достаточно, учитывая, что предстоит еще сидеть долгие **шесть** часов за партой, говорим: «сидеть», ибо активно-плодотворно умственно работать **шесть** часов помимо **три** часов приготовления уроков — не под силу даже рядовому среднему студенту.

Тем уместнее спросить: Кто же виновник в злополучной «Двойке»?

— «Почему? Как это получилось? Виновата ли я?» — так спрашивает Ольга.

Внутренний суровый голос — повествуется в рассказе — говорит ей: «Да, виновата, ты могла успеть!» Но тут же, стараясь заглушить этот голос — продолжает автор повести — Ольга упрямо повторяет:

— «Нет, я не виновата, у меня просто нехватило времени!»

Простой до примитивности этот типично-школьный эпизод заслуживает нашего внимания тем более, что в нем, как солнце в капле, отразилась существующая ныне установка школьной жизни и рождаемые ею скорбные антиномии, глухо но болезненно переживаемые для миллионов молодых сердец или их близких.

Но незримо протекающие в недрах школьных стен и семей эти маленькие драмы слишком часто дают поводы к большим трагедиям: разбитым жизням и призваниям, — достаточное основание подвергнуть разбираемый рассказ внимательному объективному анализу.

Не зная, в какой степени рассказ этот привлек внимание профессиональной критики (и сомневаясь в этом!) но считая, что затронутая в нем проблема и тематика вполне заслуживали бы открытой дискуссии по примеру «показательных процессов», — раз вопрос идет о «выяснении виновности», — мы полагаем бы уместным разобраться объективно в этом показательном примере, совмещая беспристрастно роли «Председателя Суда», Защитника и Прокурора.

Продолжая предыдущее сравнение, мы констатируем **три** факта, или, правильнее говоря, объекта нашего суждения:

I. «**Незнание урока — двойка**», — в роли «преступления» и «кары».

II. **Пять** предполагаемых «виновников» и «соучастников» и «соучастниц» «преступления»: **Ольга, ее мать, быт, Анна Николаевна**, (— педагог), — Общая **школьная установка**. —

III. Меры предупреждения или борьбы с аналогичными проступками и ложно-налагаемыми карами.

Начнем с характеристики условий, или обстановки «преступления» — невыученности урока Ольгой.

Приниматься за приготовление уроков после 9 часов, по возвращении из Школы и **шести** часов сидения за партой, а до этого **трехчасовых** занятий дома, за подготовлением уроков, т.е. после **девятичасового** (!) рабочего дня — для девочки-подростка значило бы подрывать сознательно свое здоровье.

В самом деле. Посмотрите, что бы получилось, поступи бедная девочка так, как внушал ей внутренний строгий голос, очевидно голос педагога, — Анны Николаевны:

Программа Дня, вернее «суточное расписание» сложилось бы для Ольги следующим образом:

Подготовка уроков *утром*.....3 часа
Сидение за партой в Школе..... 6 часов
Приготовление уроков вечером..... 3 часа
Итого умственного напряжения.....12 часов

На долю сна (по меньшей мере!)..... 8 часов
На домашние работы («чистка картошки, беготня за хлебом») 2 часа
На переходы в Школу и обратно, раздевание, одевание..... 1 час
На завтрак, на обед, вечерний чай и ужин, по 3/4 часа..... 1 час
Итого:2 x 12 : 24 час

А на прогулку? А на отдых? А на чтение?

Очевидно, что прогулка включена в ходьбу «за хлебом»

Отдыхом должна служить «картошка»

Чтение вообще не предусмотрено, ибо читать после 9-тичасового умственного напряжения — дано не всякому, читать же по утрам, до Школы разумеется не дело.

Справедливость требует заметить, что самую Школой время, остающееся **после** окончания занятий во **вторую смену** не считается по-видимому полноценным или обязательным для подготавливания уроков, как то явствует хотя бы из того, что той же Ольге предстояло после окончания занятий в Школе длительное в ней дежурство.

Но тем самым вся работа по приготовлению уроков переносится на утреннее время и программа дня, вернее суток, отлилась бы в следующем варианте:

После возвращения из Школы (после 8 часов вечера) и пообедав, завалиться спать в 10 часов и вставши в 6, и отведя картошку и хождение за хлебом, взяться за уроки, просидеть за ними должное число часов, не менее **пяти**, а то и полностью все **шесть**, затем другие **шесть** часов пробдеть за партой, чтобы после **полудня** (двенадцати часов!) сплошной «Учебы», возвратясь домой и пообедав, снова завалиться спать.

Формально — все в порядке, если бы на вопрос: «**Охрана детского труда, где ты?!**»

Вот как складывалась бы «программа Дня» учащихся во мнении педагогов типа «Анны Николаевны»: **двенадцатичасовой** рабочий день для девочки подростка, а включая вынужденные работы «по хозяйству» — **четырнадцатичасовой** рабочий день!

Что цифры эти не завышены и не являются тенденциозной злостной выдумкой, — доказывается итогами опросов, проведенных до войны по ряду школ и показавшими, что для приготовления уроков на дому для средних, именно 7-8ых классов, требуется ежедневно до 5-ти часов.

И та же цифра подтверждалась личным опытом пишущего эти строки, наблюдением за его сыном в бытность обучения его в одной из «лучших школ»: только «посредственное» приготовление уроков требовало не менее **пяти** часов, а «оптимальное» — не менее **шести** (!!)

Нетрудно видеть, что нагрузка эта, утомительная, изнурительная для учащегося в **первой** смене, абсолютно **непосильная** при отнесении в Школе во **вторую** смену, как это имеет место с героиней нашего рассказа.

Но какое до всего этого дело педагогам типа «Анны Николаевны»? способным только ограничиваться фразами: «Ты сегодня не учила урока?» и «влеплением двоек».

Стопроцентный, беспробудный, беспардонный формализм!

И тем менее терпимый, что сопровождается он подлинной духовной травмой, причиняемой и матери, и дочери.

— «Молча выходят они на улицу. У мамы серое, усталое лицо а глаза такие, как будто кто-то очень больно и очень сильно обидел ее...они идут рядом и молчат, и это так тяжело, как будто кто-то повесил им на сердце стопудовые гири.»..

Когда они пришли домой, Ольга разделась и тотчас же ушла на кухню мыть посуду (— что, оказывается, тоже входит в расписание занятий Ольги..).

На заботливое предложение ее матери, — взять на себя эту работу (именно мытье посуды), чтобы сэкономить время для приготовления уроков дочерию, последняя напрасно протестует, ибо после **девяти** часов учения и последующего дежурства в школе, поздней ночью никакой серьезной умственной работы быть **не** может и оставшееся время годно только для «мытья посуды».

Но, увы! охваченные лишь одной всепоглощающей заботой — ликвидации «двойки», словно величайшего позора и бесчестия, — обе, и мать, и дочь, обе уставшие от непосильного труда (мать — после возвращения «с работы», даже «не пообедав», дочь — проведя полусутки на ногах) в двенадцатом часу соперничают в трудолюбии и тягостных переживаниях.

Невольно хочется спросить: Кому и для чего нужны эти последние, эти психические травмы? Это превращение самого светлого, высокого и дорогого в нашей, в мировой культуре, именно **литературы** в злобную Эринию, угрозу мира и семейного благополучия, злобную фурию, «вцепившуюся» через ту же двойку «в сердце матери» и дочери?

Нам неизвестно, чего именно касался недоученный урок, в чем именно была вина незнания молодой «преступницы», поскольку именно на положении таковой Вы чувствуете состояние и матери, и дочери.

Но думается, что глава, и сюжет случайного незнания, будь то прекраснейшие строки **Гоголя**, **Толстого** или **Чехова** — надолго, а быть может, **навсегда** останутся в воспоминании Ольги, связанными с этими часами незаслуженных обид и нравственных страданий.

А что эти муки и обиды незаслуженны, — в этом нетрудно убедиться, если после сказанного выше перебрать возможных и предполагаемых виновников нев्यученности урока по Литературе и плохой отметки.

Всего менее повинна в этом молодая героиня-неудачница рассказа: То, что сама Ольга после первых колебаний (совершенно обоснованных!) позднее склонна взять вину (на деле мнимую!) всецело на себя свидетельствует о ее моральной чуткости, но и о нерасчетливости юных сил:

— «Неправда, я могла успеть, могла найти время, я сама, сама виновата!» повторяет мнимая виновница фатальной двойки.

Да, конечно, можно найти время, если не считаться ни с какими нормами труда и гигиены! Можно найти время и за счет еды, и сна, и отдыха, и всех физических или психических ресурсов и ценою «умерщвления плоти», встав до солнца, бодрствуя далеко за полночь..

Но полезную, неотвратимую порою в жизненном быту эту способность «принажать», форсировать работу не считаясь с силами и временем, возможно оправдать только в особых случаях, как меру экстраординарную... И видеть в этой расточительности сил нормальную методику работы — значит игнорировать все нормы по охране или рационализации труда.

И возвращаясь к мнимой молодой «преступнице» и главной героине повести, хотелось бы ее утешить и сказать: Затратив **три** без малого часа на подготовку заданных уроков ты неплохо выполнила свою школьную обязанность и если в чем не преуспела то лишь потому, что нехватило времени.

Здоровый внутренний протест самозащиты молодого организма воспротивился тому, чтобы учить литературу и усваивать ее ценою «умерщвления плоти».

В этом смысле приговор наш в отношении главной героини данного рассказа **Ольги**, может быть только один, именно «Не виновна!»

Еще более безвинно пострадавшей представляется нам мать Ольги, пожилая женщина, мучительно переживающая «двойку» дочери в сознании (совершенно справедливом!), что обременяя дочь работой «по хозяйству», отнимая время от приготовления уроков, она косвенно повинна в получении дурной отметки.

Эту нашу жалость к матери не в силах умалить мнимо-счастливый эпилог рассказа: получение дочерию «пятерки», вызвавшей «улыбку удовлетворения»: охваченная, как психозом, страхом перед «двойкой»

и стремлением ее исправить, пожилая женщина не поняла, какой ценой досталась дочери ее «пятерка»: повышением нагрузки умственной ее нагрузки и ударом по здоровью девочки-подростка: не психически и фигурально, но физически, хотя бы и незримо вожденная «пятерка» нанесла урон, «вцепилась в сердце» но не матери, а дочери.

Тем более уместно опросить второе после Ольги действующее лицо рассказа — педагога «**Анну Николаевну**».

Ужели — хочется спросить ее — Вы, увидав смущение Ольги, не сочли полезным попытаться, почему хорошая (как это ясно из рассказа) ученица в данном случае не преуспела в усвоении урока? Не поинтересовались тем, как протекают, как распределяются домашние занятия и сколько времени затрачивается на них?

И неужели все эти вопросы Вас, как педагога, не интересуют?

И, переходя от обороны и защиты Оли к наступлению, хочется спросить, но не ее, а педагога, Анну Николаевну:

— «А не думаете ли Вы улучшить, изменить Вашу методику преподавания? И отдаете ли Вы себе отчета относительно того, что значит „выучить Литературу“ для подростка-девочки?»

Не кажется ли Вам, что первое условие для приобщения детей к литературе — насаждение любви к самостоятельному чтению, безотносительно к «отметкам», но как выражение свободного влечения к красотам речи наших чародеев слова.

И не думалось ли Вам, что захвативши молодежь красотами художественной речи и художественных образов, Вам не придется «требовать» «выучивания» литературы, именно поскольку самая ответственная часть работы, освещение и толкование писателей, падет на класное преподавание, знакомство же с самим произведением — на чтение дома и не под угрозой, и не по наказу, или принуждению, но как свидетельство и выражение живой и радостной потребности.

Не кажется ли Вам, что заменив «зубрение» предмета — увлечением предметом, нудную «учебу» — радостным переживанием, — Вам не придется стимулировать занятия литературой — двойками в журналах, а любовь к поэтам и писателям — психическими травмами детей и их родителей?

Это — во-первых, а теперь второе обращение, не столько к педагогам, сколько к составителям программ, руководителям и авторам господствующих школьных установок.

Не казалось бы Вам рациональным временно понизить механическую роль «классных отметок», во внимание к особым бытовым условиям переживаемого времени, учитывая ту «сверхплановую» специфичную нагрузку, что приходится **весьма неравномерно** на учащиеся столичных школ?

Мы разумеем вынужденное участие подростков и детей в обслуживании домашнего хозяйства: вспомним регулярные, или, что хуже, аритмические отрывания Ольги от занятий то для «бегания за хлебом», то ради картошки и «мытья посуды», т.е. операций, о которых наши дети, обучавшиеся в Средней Школе относительно еще недавно, не имели ни малейшего понятия.

Учитывая между тем, что и сейчас, и в наше время, это отвлечение детей потребностями быта в разных семьях и домах весьма неодинаково, завися от состава той или иной семьи или ее достатков (дети академиков едва ли привлекаются к «мытью посуды» или «беганью за хлебом» ..) должно констатировать заведомую несравнимость внешних бытовых условий для учащихся того же класса той же школы: меньшее наличие, а частью полное отсутствие досуга у детей семей типа, описанного выше (мать-работница, одна лишь дочь, без домработницы..) и обстановку, приближающуюся к нормальной, когда детям не приходится по дому совмещать обязанности школьников и судомоек.

Но признаем это и какой несправедливостью окажется квалификация сходными отметками тождественных по виду знаний и незнаний для учеников, живущих в разных бытовых условиях.

Дело одно — неприготовленность уроков там, где учащийся располагает полностью **всем** своим временем и всем досугом.

И другое дело — там, где, как в рассказе, только что рассмотренном, бедная девочка не приготовила урока частью потому, что отвлекалась по необходимости работой по хозяйству.

И клеймя плохой отметкой неуспешность знания в этом последнем случае, мы, строго говоря, квалифицируем этой отметкой временные неполадки бытовых условий, вынуждающих подростка-девочку столичной школы совмещать обязанности ученицы, судомойки и кухарки, роли «учащейся» и «домработницы».

Нам скажут, что работа по хозяйству, независимо от их прямой полезности, имеют воспитательную ценность, приучая молодежь к общественной работе, к требованиям жизни.

И, однако, забывая, что ко всем этим полезным навыкам возможно приобщить детей- подростков и помимо «бегания за хлебом» и мытья посуды, педагоги, выдвигающие эту «воспитательную роль» работы по хозяйству, обязуются тем самым и зачитывать ее в общий «рабоче-воспитательный актив» учащихся, учитывать ее при задавании уроков и определении объема таковых, а не карать и не наказывать детей плохой отметкой за домовую работу, вопреки ее полезности.

Нам скажут: Где гарантия, что время, отнятое от приготовления уроков на дому, затрачено на труд по дому, а не на безделье.

Мы ответим: проверять реально повседневно распорядок жизни каждого ученика нельзя, но приобщиться к обще-бытовым условиям учащихся не только можно, но и **должно**, если и не каждому учителю, то классному наставнику, могущему в сомнительных и спорных случаях сказать, что в неудаче данного ученика приходится на долю нерадения и что — на долю бытовых условий.

И, однако, ценное для общей ориентации и выяснения степени усердия и одаренности эта поправка или ссылка на условия быта, как смягчающее обстоятельство, не может быть учтено в каждом отдельно случае при проставлении отметок из-за невозможности сказать, где в неуспешности ответа и невыполнении задания повинна лень и бесталанность, и где «плошка и картошка».

При подобной ситуации, наличии широкого простора для ошибок и для симуляций остается лишь одно действительное средство: примирения запросов быта и учения, интересов класса и «картошки» —

Радикальная разгрузка существующих программ и в частности уроков задаваемых на дом.

«Сократив то и другое приблизительно наполовину и сведя домашние занятия (приготовление уроков) до былой когда то нормы (2½-3 часа) мы одновременно решаем **три** задачи:»

- I. Снижаем существующий сейчас «рабочий день» учащихся с 12 часов до 9-ти.
- II. Освобождаем время для самостоятельного чтения, посещения музеев, библиотек, кружковых занятий и достаточного отдыха.
- III. Уравниваем положение учащихся безотносительно к различиям их бытовых условий, получая право **требовать** определенного объема знания (хотя бы сократившегося **вдвое** против существующего!) и успешности приготовления уроков, **не считаясь** с тем, как проводилось дома остальное время: за курением, за картами, за книгами или картошками.

Вот в каком виде представляется нам подлинный итог и вывод, вытекающий из объективного разбора приведенного рассказа — скромной школьной эпопеи, закрепляющей в литературной форме ряд типичнейших моментов современной школьной установки в оттенении хозяйственного быта наших дней.

И возвращаясь к нашему исходному вопросу о виновниках фатальной «двойки», черной тенью проходящей по всему рассказу и грозившей подлинным психозом «матери» и «дочери», нетрудно видеть, что последние две наименее повинны в этом темном происшествии, а виноваты в восходящей степени **шесть** следующих моментов:

- I. Обширность, трудность самого урока (будь оно иначе, он, урок, при добросовестности Ольги, был бы «выучен», хотя бы лишь на «тройку»).
- II. Общая перегрузка задаваемого на дом (одолимого только ценой **пяти-шести** часов работы).

III. Школьные занятия «во вторую смену», вынуждающие относить приготовление уроков целиком на утренние часы.

IV. Неблагоприятная хозяйственная конъюнктура данной именно семьи (малочисленность ее «работников» по дому) вынуждающая девочку-подростка отдавать лучшее время дня, раннее утро, на ходьбу (а вероятно и «стояние в очередях»!) за хлебом и оперирование с «картошкой».

V. Формализм педагога вынуждаемого ограничиваться лишь опросом, без вникания в причины неудачности ответа в каждом частном случае и без учета объективных трудностей занятия и экономических условий быта, глубоко неодинаковых и несравнимых в разных семьях.

VI. **Формализм** общей школьной установки, не желающий считаться ни с элементарнейшими нормами труда, ни с гигиеной молодого возраста, ни с фактом детской утомляемости, ни с условиями быта, временными затруднениями экономического свойства.

«Фетишизм» механической оценки знания учащихся при помощи «отметок», ни в малейшей степени неадекватных понесенному труду, затраченному на приготовление уроков в каждом частном случае.

И это — вопреки тому, что основная первая задача **Школы** — чутко применяться к требованиям быта, а не игнорировать его, учитывать реальные запросы жизни и ее конкретные возможности, а не абстрактные регламенты и установки.

И ища причины этого отрыва Школы от реальной жизни, мысль невольно обращается с немим вопросом, чтобы не сказать с укором к Учреждениям, ответственным за рационализацию учебной постановки в нашей Средней Школе, за координацию запросов Школы, жизни, быта и реальных подлинных ресурсов, умственных, телесных и ...моральных нашей молодежи.

Только в интересах нашей Школы и — что то же — нашей Молодежи — автор этих строк не счел за умаление своего престижа старого профессора-ученого прервать научную свою работу, чтобы уделить внимание разбору скромной повести, написанной с благими воспитательными целями, но представляющей на деле образец «стихийно- бессознательного» формализме.

И тот факт, что формализм этот неподмеченным остался автором рассказа и Редакцией Газеты — только лишний раз подчеркивает неотложность и значение борьбы с этим великим злом, этими временными сорняками и отходами на светлой ниве школьного образования.